

**ПИШЕМ СОЧИНЕНИЯ
ВМЕСТЕ**

ТЕКСТ 1

- (1) На Галицкой площади был крупнейший рынок. (2) Как раз в том месте площади, где кончался Бибиковский бульвар, был построен ряд новых деревянных лавок. (3) Одна из этих лавок была дяди-Володина. (4) Торговля в этой лавке велась дёгтем, колёсной мазью, мелом для побелки стен – в общем, всем, что могло понадобиться крестьянам, привозившим на рынок продукты своего хозяйства. (5) Кроме того, торговали древесным углём, употреблявшимся в те времена повсеместно для жаровен и самоваров.
- (6) Держать уголь в лавке было нельзя, так как он всё вокруг пачкал. (7) Весь запас этого товара хранился в специальном амбаре. (8) Было, однако, хлопотно каждый раз закрывать лавку и отправляться с покупателем в амбар, чтобы отпустить уголь. (9) Поэтому дядя Володя придумал, чтоб на время летних каникул мы с братом по очереди сидели в амбаре и отпускали покупателям уголь.
- (10) Этот амбар – крупнейший погреб, то есть наполовину врытый в землю сарай с серым цементным полом и потолком и такими же цементными стенами. (11) В этом бункере имелось лишь одно крошечное, забранное железной решёткой окно, к тому же находилось оно не на обычном уровне, как в домах, а высоко под потолком, как это делается в тюрьмах. (12) Кроме маленького кусочка неба, в это окно ничего не было видно.

- 13)Особенно тягостными были для меня первые дни сидения в этом угольном каземате. (14)Покупатели являлись нечасто, поэтому скучать приходилось главным образом в одиночестве. (15)Сидя на стуле, я глядел на кучу угля, над которой в серебристой полоске солнечного луча, падавшего из окна, танцевали мириады угольных пылинок.
- (16)Когда глаза мои полностью освоились с царившим вокруг полумраком, моё внимание привлекла лежавшая в одном из тёмных углов подвала куча того, что теперь называют макулатурой. (17)Здесь были старые газеты, журналы, переплетённые книжки собраний сочинений разных писателей. (18)По мере надобности дядя Володя брал из этой кучи бумагу и относил её в лавку для заворачивания покупок.
- (19)Как только эта куча попала на глаза, я принялся читать книгу за книгой и в сравнительно небольшой срок прочитал полные собрания сочинений Гауптмана, Ибсена, Гамсуна, Метерлинка и ничего или почти ничего в них не понял.

- (20) Однажды, роюсь в куче бумажного хлама, я вытащил какую-то старую, истрёпанную книжонку, в которой листочки еле держались, а некоторые и вовсе были оторваны. (21) Обложка истёрлась до такой степени, что мне с трудом удалось прочитать название. (22) Это были сказки Ганса Христиана Андерсена. (23) Я хотел эту книжку тут же бросить обратно в кучу, но подумал: если она так сильно потрепана, то это потому, должно быть, что её читали многие люди, а раз так, то, наверное, она интересная. (24) Я начал эту книгу читать и уже не мог от неё оторваться. (25) Хотя я уже знал в то время, что сказки – это <...>, мне казалось, что в этих сказках изображена самая настоящая, самая доподлинная жизнь.
- (26) Особенно сильное впечатление произвела на меня в этой книжке история, которая называлась «Гадкий утёнок». (27) Я очень сочувствовал бедному утёнку, потому что мне самому приходилось в жизни терпеть много обид: и от страшной собаки, и от бешеного Стёпки-растрёпки, и от ребяташек, которые дразнили меня, и от насмешливых покупателей. (28) Кроме того, мне пришлось остаться в подготовительном классе на второй год, и меня всё время сверлила мысль, что, как только окончится лето, я снова пойду в школу и все ребята, с которыми я учился в прошлом году, будут подходить ко мне и с презрением говорить: «Эх, ты! (29) Остался на второй год! (30) Мы теперь будем первоклассники, потому что мы умнее! (31) А ты глупый! (32) Ты глупый гадкий утёнок, вот ты кто!»

• (По Н. Н. Носову*)

- *Николай Николаевич Носов (1908–1976 гг.) – писатель-прозаик, драматург, киносценарист.

ТЕКСТ 2

Когда где-нибудь в доме отдыха целый день забиваешь козла или когда в выходной выедешь с ребятами за город и тоже целый день собираешь землянику, то потом, ночью, когда земляника уже давно съедена или костяшки убраны, все равно перед глазами долго еще мелькают красные ягодиночки или белые очочки, и никак от них не избавишься. Так было и сейчас. Что бы я ни делал, в голове моей мерно взлетали лопаты. Лопаты. Лопаты. Лопаты. Они погружались в мягкую глинистую почву, сочно чавкающую под режущим лезвием. Они отрывали комья, цепляющиеся за родной пласт, они несли на себе землю, эти непрерывно движущиеся лопаты, они качали землю в своих железных ладонях, баюкали ее или резали аккуратными ломтями. Лопаты шлепали по земле, били по ней, дробили ее, поглаживали, рубили и терзали, заравнивали и подскребывали ее каменистое чрево. Иногда одна лопата, которой орудовал стоящий глубоко внизу человек, взлетала кверху только до половины эскарпа, до приступочки в стене, оставленной для другого человека, тот подставлял другую свою лопату и ждал, пока нижняя передаст ему свой груз, после чего он взметал свою ношу еще выше, к третьему, и только тот выкидывал этот добытый трудом троих людей глиняный самородок на гребень сооружения. Лопаты, только лопаты, ничего, кроме лопат.

И мы держались за эти лопаты, это было наше единственное орудие и оружие, и все-таки, что там ни говори, а мы отрыли этими лопатами такие красивые, ровные и неприступные ни для какого танка рвы, что сердца наши наполнялись гордостью. Эти лопаты, любовь к ним и ненависть крепко сплотили нас, лопатных героев, в одну семью.

Постепенно, день за днем, я узнавал новых людей на трассе. Теперь я уже знал, что вон там, за леском, показывает небывалые рекорды казах Байсеитов — батыр с лицом лукавым и круглым, как сковорода. Ученые говорят, что нависающие веки У азиатов появились для защиты глаз от ветра и солнца. В таком случае Байсеитов защитился особенно надежно. Я его глаз никогда не видел. Две черточки, и все. Но им гордились, его знали все, и я гордился тоже, что знаю его. Я знал также, что слева от меня работает Геворкян, оператор из кино, знаток фольклора и филателист, а с ним рядом Ванька Фролов, голенастый пекарь, белый, словно непроявленный негатив. Вон частушечник, толстый, как сарделька, Сечкин, он любит показывать фотокарточку своих четырех ребят, похожих друг на дружку, точно капельки.

Это вот Киселев, печатник, он хворый, грудь болит. Вот неугомонный шестидесятилетний бабник аптекарь Вейсман. Волосатый гигант Бибрик, задумчивый пожарник Хомяков. Масса ополченцев, такая безликая вначале, распалась для меня на сотни частичек — разных, по-разному интересных, построенных на свой манер каждая. Снег падает, вон его сколько, сугробы, а каждая снежинка откована по-особому — протри глаза!

В эти дни установилась славная, почти летняя погодка, здесь не было затемнения, налетов не было и бомбежек, не было патрулей, ночных дежурств, и все мы немного оздоровились, подзагорели, налились в мускулах. Работали горячо, на совесть, потому что отчаянно верили, что делаем самое главное, помогаем своими руками, своим личным трудом близкому делу победы. **(по тексту В.Ю. Драгунского)**

